

1) Из "Евангелия в разъяснении спиритуализма"

II. АВТОРИТЕТНОСТЬ СПИРИТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ.

Всеобщий контроль поучений Духов

Если бы спиритическое учение было измышлением чисто человеческим, то гарантией этого учения служили бы только знания создавшего его; но ведь никто тут, на земле, не может серьезно претендовать на то, что он один обладает абсолютной истиной. Если бы Духи, открывшие учение, проявились только одному человеку, ничто не доказывало бы происхождение учения, так как нужно было бы верить на слово утверждающему, что он получил его от Духов. Если допустить с его стороны полную правдивость, то самое большее, чего он мог бы достичь — это убедить окружающих; он мог бы иметь сектантов, но никогда не соединил бы всего света.

Бог желал, чтобы новое откровение дошло до людей путем более быстрым и верным, вот почему Он поручил Духам распространять учение от одного полюса до другого и проявляться повсюду, не давая никому исключительной привилегии слышать их речь. Один человек может быть обманут и может сам обмануться; но не может этого случиться с миллионами, видящими и слышащими одно и то же. Подобное обстоятельство служит ручательством для каждого и для всех. Можно заставить исчезнуть одного человека, но нельзя уничтожить массы; можно сжечь книги, но нельзя сжечь Духов. Если бы даже сожгли все книги, источник учения остался бы неиссякаем, потому именно, что он не на земле, что появляется везде, всякий может черпать из него. За недостатком людей, чтобы его распространять, всегда будут Духи, которые проникают всюду, но которых никто не может настигнуть.

Итак, это действительно Духи самолично пропагандируют учение при помощи бесчисленных медиумов. Спиритизм был бы почти неизвестен, если бы истолкователем его явился один человек: как бы превосходен он ни был, к какому бы классу ни принадлежал, он был бы предметом предубеждения со стороны многих лиц; всё нации его бы не признали, тогда как Духи, сообщающиеся всюду, со всеми народами, со всеми сектами и партиями, признаны всеми. Спиритизм не имеет национальности; он вне всевозможных культов; он не присущ одному какому-нибудь общественному классу, потому что всякий может получать сообщения от своих родных и друзей с того света. Это было необходимо для того, чтобы он мог призвать всех людей к братству. Если бы спиритизм не избрал нейтральной почвы, он бы поддерживал распри вместо того, чтобы их умиротворять.

Эта всеобщность поучений Духов составляет силу спиритизма; в ней же заключается причина такого быстрого распространения его. Голосу одного человека, даже при помощи печати, понадобились бы века, чтобы дойти до слуха всех; но вот слышатся тысячи голосов одновременно во всех местах земли, чтоб оглашать одни и те же принципы и передавать их самым невежественным и самым ученым. Таким преимуществом не пользовалось еще ни одно учение. Стало быть, если спиритизм есть истина, то он не боится ни злой воли людей, ни нравственной революции, ни физических переворотов Земного шара, потому что все это не может уязвить Духов.

Но это не единственное преимущество, вытекающее из подобного исключительного положения. Спиритизм находит в себе самую могущественную гарантию против расколов, которые могли бы произойти вследствие честолюбия отдельных личностей или вследствие противоречий некоторых Духов. Эти противоречия служат, без сомнения, камнем преткновения, но в них же самих заключается и средство против этого зла.

Известно, что Духи далеки от обладания всей истиной и различаются между собой; известно, что не всем им дано проникнуть в некоторые тайны; что их знания пропорциональны их возвышенности и что у обыкновенных Духов они не только не выше, но даже ниже, чем у некоторых людей; что между ними так же, как и между людьми, есть самонадеянные лжеученые, считающие, что они знают то, чего не знают, педанты, принимающие свои идеи за истину; известно, что только Духи самые возвышенные, совершенно дематериализованные, освободились от земных идей и предрассудков; но известно также, что Духи-обманщики не стесняются прикрываться заимствованными именами, чтобы заставить принять свои утопии. Из этого следует, что все поучения, кроме исключительно нравственных, и все откровения, получаемые любым человеком, имеют характер индивидуальный и недостоверный, что они должны быть рассматриваемы как мнения личные того или другого Духа, и что было бы неосторожностью легкомысленно принимать и распространять их как абсолютные истины.

Первым контролем, без сомнения, должен быть контроль разума, которому надо подчинять все без исключения сообщения, получаемые от Духов; всякую теорию, находящуюся в противоречии со здравым смыслом, строгой логикой и позитивными данными, должно отбрасывать, каким бы уважаемым именем она ни прикрывалась. Но этот контроль во многих случаях бывает несовершенен, вследствие недостаточности знаний некоторых людей и тенденции многих считать свое собственное мнение единственно истинным. Как же поступают в подобном случае люди, не имеющие полного доверия к самим себе? Они принимают мнение большинства, и это мнение становится их путеводителем. Точно так же должно поступать и с поучениями Духов, которые сами дают нам к этому средство.

Согласие в поучениях Духов есть наилучший контроль; но нужно еще, чтобы оно проявлялось при некоторых условиях. Наименее верное — если медиум сам спрашивает нескольких Духов по поводу чего-нибудь сомнительного; очевидно, что если он подчинен неотступной идее или имеет дело с Духом-обманщиком, то этот Дух может дать ему одинаковые сообщения под различными именами. Нет

также достаточной гарантии, если сообщения получаются через медиумов одного кружка, потому что они могут подвергнуться такому же влиянию.

Единственная серьезная гарантия правдивости поучений Духов заключается в соответствии, существующем между сообщениями, сделанными при посредстве большого числа медиумов, незнакомых друг с другом и живущих в разных странах.

Само собой разумеется, что это совсем не касается сообщений, относящихся к второстепенным вопросам, а только тех, которые связаны с самими принципами учения. Опыт доказывает, что когда новый принцип должен получить свое подтверждение, он преподается добровольно, в различных местах одновременно и тождественно, если не по форме, то по существу. Если же одному Духу вздумается формулировать эксцентричную систему, основанную только на его идеях и вне истины, то можно быть уверенным, что эта система останется ограниченной и падет перед единством поучений, данных повсюду в других местах, как тому бывали уже примеры, именно это единство заставило пасть все частные системы, народившиеся с появлением спиритизма, когда каждый объяснял феномены по-своему, прежде чем стали известны законы, управляющие отношениями мира видимого с невидимым.

Вот основание, на которое мы опираемся, формулируя принцип учения. Мы его предлагаем как истинный не потому, что он соответствует нашим идеям; мы себя вовсе не ставим под верховную защиту истины и никому не говорим: "Верьте этому, потому что мы вам это говорим". Наше мнение в наших глазах есть мнение личное, могущее быть верным или ложным, так как мы не более безгрешны, чем кто-либо другой. Считаем мы этот принцип верным не потому также, что он нам преподан, а вследствие того, что он получил подтверждение согласования.

Мы получаем сообщения почти от тысячи серьезных спиритических кружков, рассеянных в различных частях мира, и в состоянии проследить принципы, на которых основано это согласование. Именно это наблюдение руководило нами до сего дня и будет руководить при работе на новых нивах, которые спиритизм призван исследовать. Таким образом, внимательно изучая сообщения, полученные как во Франции, так и за границей, мы признаем, судя по совершенно специальному свойству этих откровений, что спиритизм имеет тенденцию вступить на новый путь и что пришло время сделать шаг вперед. Эти откровения, иногда выражавшиеся намеками, проходили незамеченными многими, получавшими их; другие же думали, что они одни их получили. Взятые в отдельности, они не имели бы для нас значения; тождественность же их придает им важность; затем, когда пришло время предать их гласности, каждый вспомнил, что получал поучения в том же роде. Мы наблюдаем и изучаем это общее движение при посредстве наших духовных руководителей, помогающих нам судить о том, что предпринять своевременно и от чего надо воздержаться.

Этот всеобщий контроль служит гарантией для будущего единства спиритизма и уничтожит все противоречивые теории. В нем именно будут искать критерий истины.

Успех учения, сформулированный в "Книге Духов" и "Книге Медиумов", обязан тому обстоятельству, что всякий везде мог получать непосредственно от Духов подтверждение этого учения. Книги эти были лишены поддержки прессы, но все же быстро распространились, т. к. за них были Духи, доброе намерение которых восторжествовало над злой волей людей. Если бы, однако, Духи противоречили этому учению, книги эти давно бы уже постигла участь всех фантастических сочинений, и даже поддержка прессы не спасла бы их от гибели. То же самое произошло бы со всеми идеями, исходящими как от Духов, так и от людей, которые не прошли бы испытание контроля, чье могущество никто не может оспаривать.

Предположим, что некоторым Духам вздумается продиктовать книгу под каким-нибудь заглавием, книгу, смысл которой был бы противоречив; предположим даже, что их недоброжелательство внушило бы сообщения невероятные с враждебным намерением дискредитировать учение; какое же влияние могли бы иметь эти сочинения, если бы они со всех сторон оспаривались Духами? Нужно увериться в согласии этих последних, прежде чем оглашать систему под их именем. Между системой одного и системой всех такая же разница, как между единицей и бесконечностью. Что значат все доводы клеветников против мнения масс, против миллионов дружеских голосов, пришедших из пространства и являющихся со всех мест вселенной к очагу каждой семьи, чтобы пробивать брешь? Разве опыт в этом отношении не подтвердил теории? Что случилось со всеми этими публикациями, которые должны были, будто бы, уничтожить спиритизм? Нашлась ли хоть одна, которая бы задержала его движение? До сего дня вопрос не рассматривался еще с этой точки зрения, а вопрос этот, без сомнения, один из самых важных. Всякий полагался на себя, не считаясь с Духами.

Принцип согласования служит, кроме того, гарантией против искажений, которые могли бы внести секты, пожелавшие овладеть спиритизмом для своей выгоды и истолковать его на свой лад. Тот, кто попытался бы отвратить спиритизм от цели, определенной Провидением, потерпел бы поражение по той простой причине, что Духи всеобщностью своих наставлений заставят пасть все видоизменения, отклоняющиеся от его истины.

Из всего этого вытекает несомненная истина, а именно: желание одного стать поперек течения признанных и установленных идей могло бы вызвать местный и временный незначительный переворот, но никогда не взяло бы верх в общем течении не только в будущем, но даже и в настоящем. Оттуда же следует, что единичные наставления, даваемые Духами относительно еще не истолкованного учения, не смогут составить закона и что их, следовательно, должно принимать с большой осмотрительностью. Оттуда же вытекает, что при опубликовании их нужна величайшая осторожность и предлагать их надо только как мнения индивидуальные, более или менее вероятные, но еще нуждающиеся в подтверждении. Это подтверждение нужно получить прежде, чем оглашать известный принцип как абсолютную истину, чтобы не быть обвиненным в легкомыслии или безрассудной легковёрности.

Возвышенные Духи приступают к своим откровениям с необыкновенным благоразумием; они касаются великих вопросов учения постепенно, по мере того

как ум становится способным воспринять истины более высокие, а обстоятельства благоприятствуют усвоению новой идеи. Вот почему они до сих пор еще всего не сказали и никогда не поддаются нетерпению людей, слишком торопящихся и желающих срывать плоды. Не дав им созреть. Было бы излишним желать предупредить время, предназначенное для каждой вещи Провидением, потому что в таких случаях Духи, действительно серьезные, решительно отказывают в своем содействии; Духи же легкомысленные, мало заботясь об истине, отвечают на все. Оттого-то на все преждевременные вопросы всегда получаются противоречивые ответы.

Вышеизложенные принципы — дело вовсе не личной теории, а являются неизбежным следствием условий, при которых проявляются Духи. Если один Дух говорит что-нибудь в одном месте, тогда как миллионы Духов говорят противоположное в других, то очевидно, что вероятность истины не может быть на стороне одного: ведь претендовать одному на обладание истиной было бы так же нелогично, со стороны Духов, как и со стороны людей. Духи, действительно благоразумные, сознающие себя недостаточно осведомленными по данному вопросу, никогда не решают его абсолютно; они заявляют, что его надо разобрать с их точки зрения, и сами советуют ждать подтверждений.

Как бы велика, прекрасна и справедлива ни была идея, невозможно, чтоб она с первого шага соединила все мнения. Происходящие в этом случае споры являются неизбежным следствием возбужденного движения; они даже необходимы для поиска истин и особенно полезны, если происходят вначале, т. к. ложные идеи могут быть скорее опровергнуты. Спириты, опасющиеся этих споров, должны, значит, быть совершенно спокойны. Все единичные претензии падут в силу установившегося порядка вещей перед великим и могущественным критерием всеобщего контроля.

Это мнение не одного человека, а объединенный голос Духов; это не один человек, а мы еще менее, чем всякий другой, который положит основание спиритическому правоверию; это также не Дух, являющийся общаться с кем бы то ни было; это всеобщность сообщений Духов, являющихся на всей земле по велению Бога. В этом — основа учения спиритизма, в этом — его сила, в этом — его авторитет. Бог пожелал, чтобы Его закон был основан на несокрушимом фундаменте; вот почему Он не возложил его на немощную голову одного человека.

Перед таким могущественным ареопагом, не знающим ни партий, ни ревливой вражды, ни сект, ни национальностей, разобьются все мнения, все самолюбия, все претензии на индивидуальное главенство. Мы сами себя побили бы, если бы пожелали подменить нашими идеями" ми высшие законы этого ареопага; Он один решит все спорные вопросы, заставит замолчать разногласия и воздаст каждому по заслугам. Перед этим внушительным созвучием всех голосов неба что значит мнение одного человека или одного Духа? Меньше, чем капля воды, теряющаяся в океане, меньше, чем голос ребенка, заглушаемый громом.

Всеобщность мнений — вот высший судья, произносящий последний приговор; она составляется из мнений индивидуальных; если одно из них правильно, то оно

имеет только свой относительный вес; если же оно ложно, то не может перевесить все другие. В этом громадном конкурсе индивидуальности стираются, и человеческому самолюбию наносится новый удар.

Гармоническая общность уже замечается; прежде чем кончится этот век, она засияет во всем своем блеске и укрепит всех неуверенных, т. к. могущественные голоса получат миссию заставить услышать себя, чтоб соединить людей под одним знаменем" как только почва будет достаточно подготовлена. Тем временем колеблющийся между двумя противоположными системами может заметить, в каком направлении образуется общее мнение; достоверной приметой этого может служить смысл, в каком высказывается большинство Духов по тем различным вопросам, по которым они дают сообщения. Это верный признак той из двух систем, которая возьмет верх над сомневающимся.

...

IV. СОКРАТ И ПЛАТОН — ПРЕДВЕСТНИКИ ИДЕЙ ХРИСТИАНСТВА И СПИРИТИЗМА

Из того, что Иисус должен был знать секту ессеев, не следует заключать, что Он от нее заимствовал свое учение и что если бы Он жил в другой среде, то исповедовал бы другие принципы. Великие идеи никогда не появляются внезапно; те из них, которые имеют в своем основании истину, всегда имеют предшественников, отчасти приготавливающих для них путь; затем, когда приходит время, Бог посылает человека с миссией резюмировать, соединить и дополнить разрозненные части и создать из них одно целое; таким образом, идея при своем появлении находит умы, совершенно подготовленные принять ее. Так было и с идеей христианства, которая была предчувствуема за несколько веков до Иисуса и Ессеев и предвестниками которой были Сократ и Платон.

Сократ так же, как и Христос, ничего не написал, или по крайней мере, не оставил ничего написанного; как и Христос, он умер узником, жертвой фанатизма, поплатившись за то, что нападал, на современные верования и ставил действительную добродетель выше притворства и соблюдения формы; одним словом, за то, что боролся против религиозных предрассудков. Как Иисус был осужден фарисеями за соращение народа своими поучениями, так и Сократ был осужден фарисеями своего времени за соращение молодежи провозглашением единства Бога, бессмертия души и будущей жизни. Как учение Иисуса, известное нам только по записям Его учеников, так и учение Сократа мы знаем только по рукописям Платона, его ученика. Мы считаем полезным резюмировать здесь основные идеи этих рукописей, чтобы показать соотношение, существующее между принципами Сократа и принципами христианства.

Тем, которые посмотрели бы на эту параллель, как на профанацию и сочли бы, что не может быть подобия между учением язычника и Христа, мы ответим, что учение Сократа не было языческим, потому что оно имело целью победить язычество, что учение Иисуса более полное и чистое, чем учение Сократа, ничего

не теряет от сравнения; что величие божественной миссии Христа не может быть умалено; что, наконец, это факт исторический, который не может быть затушеван.

Человек дождался того, что истина сама перед ним открывается: он созрел, чтобы смотреть ей в лицо, и тем хуже для тех, кто не смеет открыть глаз. Пришло время смотреть на вещи широко и с высоты, а не с точки зрения узости и мелочности сект и каст.

Нижепомещаемые выписки докажут, что Сократ и Платон предчувствовали идею христианства и что в их учении находятся основные принципы спиритизма.

РЕЗЮМЕ УЧЕНИЯ СОКРАТА И ПЛАТОНА

I. "Человек — воплощенная душа. Перед своим воплощением она существовала, соединенная с первообразами, с идеями правды, добра и красоты; она разлучается со всем этим, воплощаясь в человеке, и, вспоминая свое прошлое, более или менее мучится желанием вернуться обратно".

Нельзя яснее выразить отличия и независимость принципов интеллектуального и материального; это есть, вместе с тем, учение о предсуществовании души, о смутной интуиции, сохраняемой ею о другом мире, к которому она стремится, о переживании ею тела и о возвращении после смерти в тот же самый мир; это, наконец, зародыш учения о падших ангелах.

II. "Душа обеспокоена и смущена, когда она пользуется услугами тела, чтобы судить о каком-нибудь предмете; у нее делается головокружение, как будто она опьянена, так как она привязывается к вещам, подверженным по своей природе изменениям; тогда как если она созерцает свою собственную сущность, то стремится к тому, что чисто, вечно и бессмертно, и, будучи той же природы остается погруженной в это возможно дольше; в это время ее блуждания кончаются, потому что она соединена с тем, что неизменно; это состояние души есть именно то, что называется мудростью".

Итак, человек, смотрящий на вещи с точки зрения материальной, впадает в обман; чтобы оценить их по справедливости, надо смотреть с высоты, т. е. с духовной точки зрения. Истинный мудрец должен, следовательно, как бы отделить душу от тела, чтобы видеть очами разума. Этому именно учит Спиритизм, (Гл. II, № 5).

III. "Пока мы будем иметь наше тело и наша душа будет погружена в этот тлен, никогда мы не завладеем предметом наших желаний — истиной. Действительно, тело доставляет нам тысячи препятствий в силу необходимости заботиться о нем; больше того, оно настолько наполняет нас желаниями, аппетитами, страхами, тысячами химер и тысячами глупостей, что с ним невозможно быть мудрым хоть на минуту. Но если мы не можем ничего узнать во всей чистоте пока душа соединена с телом, то надо выбирать одно из двух: не знать никогда истины или узнать ее после смерти. Освобожденные от телесного безумия, мы, как надо надеяться, вступим в сношения с людьми, равно свободными, и познаем сами

сущность вещей. Вот почему истинные философы приучаются умирать, и смерть им вовсе не страшна". (Небо и Ад. I часть, гл. II; II часть, гл. I).

Вот где мы встречаем принцип свойств души, затемненной переходом в телесные органы, и освобождение этих свойств после смерти.

Но это касается только душ избранных, уже очищенных; не то происходит с душами нечистыми.

IV. "Душа нечистая отягчена, и ее влечет опять к чувственному миру, вследствие отвращения от всего духовного и невидимого; она тогда блуждает, говорят, вокруг памятников в могилах, возле которых видели иногда мрачные привидения, такие, какими должны быть изображения душ покинувших тело без полного очищения и потому сохранивших нечто от материальных форм, отчего глаз наш может их видеть. Это души не добрые, а злые, принужденные блуждать в тех местах, где они несут наказание за свою дурную прежнюю жизнь и где они продолжают блуждать пока их желания, присущие материальным формам, не возвратят их опять в тело, и тогда, вероятно, они примут те же нравы, какие во-время прежней жизни были предметом их предпочтения".

Тут ясно выражен не только принцип перевоплощения; но и состояние душ, находящихся под влиянием материи, охарактеризовано так же, как и в Спиритизме, при посредстве Духов. Больше того: сказано, что перевоплощение в материальное тело есть следствие нечистоты души, тогда как души очищенные от этого освобождены. Спиритизм не говорит ничего иного; он только добавляет, что душа, имевшая хорошие стремления в земной жизни и приобретшая знания, приносит с собой при новом рождении менее недостатков, больше добродетелей и больше интуитивных идей, чем она имела во время предшествовавшего существования. Таким образом, каждое существование доказывает прогресс интеллектуальный и моральный.

V. "После нашей смерти, гений (демон), бывший при нас во время нашей жизни, ведет нас туда, где собираются все те, которые должны быть отправлены в Hades, чтобы быть там судимыми. Души пробывшие в Hades'e некоторое время, возвращаются к этой жизни через многочисленные и долгие периоды".

Это — учение об Ангелах-хранителях или Духах-покровителях и о последовательных перевоплощениях после более или менее длинных промежутков между земными существованиями.

VI. "Демоны наполняют пространство, отделяющее небо от земли; они служат связью, соединяющей Все Великое с Ним же самим. Божество никогда прямо не вступает в сношение с человеком; боги сносятся только при посредстве демонов и беседуют с людьми в бодрственном и сонном состоянии".

Слово "daimon", из которого сделали демон, не имело такого дурного значения в древности, как имеет теперь; оно вовсе не означало существа, исключительно дурно поступающего, но относилось ко всем Духам вообще, между которыми отличали Духов возвышенных, называемых богами, и Духов низших, или

собственно демонов, сообщавшихся непосредственно с людьми. Спиритизм говорит также, что Духи наполняют пространство; что Бог общается с людьми не иначе, как при посредстве чистых Духов, которым поручает передавать Его волю; что Духи общаются с людьми в бодрственном и сонном состоянии. Замените слово демон словом Дух, и вы получите спиритическую доктрину; поставьте слово ангел, и будет доктрина христианская.

VII. "Постоянной заботой философа (как это понимали Сократ и Платон) служит попечение о душе менее для этой жизни, которая есть одно мгновение, чем для вечности. Если душа бессмертна, не благоразумнее ли жить, имея в виду вечность?"

Христианство и спиритизм учат тому же самому.

VIII. "Если душа нематериальна, она должна после этой жизни вернуться в мир столь же невидимый и нематериальный, как она сама; точно так же, как тело, разлагаясь, возвращается материи. Но нужно хорошо различать душу чистую, действительно нематериальную, питающуюся, как Бог, науками и познаниями, от души, более или менее загрязненной материальной нечистотой, мешающей ей подняться к божеству и удерживающей ее в местах ее земного существования".

Сократ и Платон, как видите, отлично понимали различные степени дематериализации души; они настаивают на разнице в положении души, которая происходит от большей или меньшей ее чистоты. То, что они говорили по интуиции, Спиритизм доказывает многочисленными примерами, которые он представляет нашему взору.

IX. "Если бы смерть была разрушением всего человека, это было бы для злых большим выигрышем — быть одновременно освобожденными от своего тела, души и пороков. Тот, кто обогатил свою душу не чуждыми ей украшениями, а теми, которые свойственны ее природе, тот только сможет спокойно ждать часа отправления в другой мир".

Другими словами, это значит, во-первых, что материализм, провозглашая уничтожение после смерти, служил бы умалению всякой нравственной ответственности в будущем, а, следовательно, поощрял бы зло, что злой все выигрывает от небытия; а во-вторых, что человек, освободившийся от пороков и обогатившийся добродетелями, один только может спокойно ожидать пробуждения в другой жизни. Спиритизм нам показывает на примерах, которые он представляет ежедневно, как тяжелы для злого переход от одной жизни в другую и вступление в жизнь будущую. (Небо и Ад. 2-я часть, гл. 1).

X. "Тело сохраняет очень заметные следы применявшихся к нему забот или случившихся с ним происшествий. То же можно сказать относительно души; по освобождении от тела, она сохраняет заметные следы своего характера, привязанностей и всех поступков своей жизни. Таким образом, самое большее несчастье для человека — перейти в другой мир с душой, отягченной преступлениями. Ты видишь, Калликлес, что ни ты, ни Павел, ни Георгий не смогли бы доказать, что не надо вести такой жизни, которая была бы нам полезна,

когда мы будем там. Из всех мнений одно остается несокрушимым: лучше перенести несправедливость, чем сделать ее, и прежде всего надо стараться не казаться добродетельным человеком, но быть им". (Беседы Сократа с учениками в тюрьме).

Здесь мы находим капитальный пункт, подтвержденный теперь опытом, что душа неочищенная сохраняет идеи, стремления, характер и страсти, которыми она обладала при жизни. Правило же "перенести несправедливость, чем сделать" разве не вполне христианское? Та же мысль выражена Христом в следующей форме: "Если кто-нибудь ударит тебя по одной щеке, подставь ему другую".

XI. "Одно из двух: или смерть есть уничтожение абсолютное, или это переход души в другое место. Если все должно уничтожиться, смерть будет подобна одной из редких ночей, проводимых нами без сновидений и без осознания самих себя. Но если смерть есть только перемена существования, переход в место, где мертвые должны соединиться, какое счастье встретит там тех, которых мы знали! Моим самым большим удовольствием было бы изучать вблизи обитателей этого места и, как и тут, отличать между ними действительно мудрых от тех, которые только считают себя ими. Но время нам расстаться: мне — чтоб умереть, а вам — чтобы жить". (Сократ своим судьям).

По Сократу, люди, жившие на земле, встречаются после смерти и узнают друг друга. Спиритизм показывает нам их продолжающими отношения, в которых они были, так что смерть является не перерывом, не прекращением жизни, а переходом в другое состояние без разрыва связи отношений.

Если бы Сократ и Платон знали наставления, данные Христом 500 лет спустя и даваемые теперь Духами, они говорили бы не иначе. Тут нечему удивляться, приняв во внимание, что великие истины вечны; что высокие Духи должны были их знать прежде, чем явились на землю, куда они их принесли; что Сократ, Платон и другие великие философы того времени могли быть впоследствии в числе последователей Христа, в Его божественной миссии, и быть избраны Им, как более способные понять Его божественные поучения; что, наконец, они теперь могут быть в числе Духов, которым поручено учить людей тем же истинам.

XII. Никогда не следует воздавать несправедливостью за несправедливость и причинять зло кому бы то ни было, как бы неправ он ни был относительно нас. Немногие, однако, примут это правило, и люди, разделяемые местью, должны только презирать Друг друга".

Разве это не то же правило, которое учит нас не воздавать злом за зло и прощать врагам?

XIII. "По плодам узнают дерево. Надо судить о каждом поступке по его последствиям: называть его хорошим, если от него происходит добро, и дурным, если он рождает зло".

Это правило: "По плодам узнается дерево" — дословно повторяется несколько раз в Евангелии.

XIV. "Богатство — большая опасность. Всякий человек, любящий богатство, в действительности не любит ни его, ни того, что составляет богатство, но нечто что человеку еще более чуждо, чем то, что составляет богатство".

XV. "Самые прекрасные молитвы и самые прекрасные жертвы менее угодны Божеству, чем добродетельная душа, стремящаяся Ему уподобиться. Было бы очень тяжело, если бы боги оказывали более внимания нашим жертвам, чем нашей душе; таким способом наиболее виновные могли бы умиловить их. Но нет, действительно справедливы и мудры только те, которые своими словами и поступками отдают то, что они должны богам и людям".

XVI. "Я называю порочным человеком того пошлого любовника, который любит тело больше души. Любовь — всюду в природе, приглашающей нас упражнять наши способности; ее находят даже в движении звезд. Любовь украшает природу богатыми коврами; она разукрашивает себя и избирает себе жилищем те места, где находит цветы и аромат. Все та же любовь дает мир людям, спокойствие морям, тишину ветрам и силы страданию".

Любовь, долженствующая соединять людей братскими узами, имеет большее значение в теории Платона, чем всеобщая любовь как закон природы. Сократ же сказал, что "любовь — не Бог, не смертный, но великий демон", т. е. великий Дух, управляющий всеобщей любовью. Эти слова, главным образом, послужили к его осуждению.

XVII. "Добродетели нельзя научиться; она является даром Бога для тех, кто ею обладает".

Это почти что христианская доктрина благодати; но если добродетель — дар Бога, то она является преимуществом, и можно спросить, почему оно не дано всем; о другой стороны, если это дар, то какую же заслугу имеет обладающий им? Спиритизм объясняет яснее; он говорит, что обладающий добродетелью приобрел ее своими усилиями во время последовательных существований, освобождаясь понемногу от недостатков. Благодать есть сила, которой Бог одаряет каждого человека, имеющего добрую волю освободиться от зла и делать добро.

XVIII. "Каждый из нас имеет естественную склонность меньше замечать свой недостаток чем недостатки других".

Евангелие говорит: "Ты видишь сучок в глазе брата твоего, а не видишь бревна в своем".

XIX. "Если доктора, в большинстве случаев, не излечивают болезней, то это потому, что они лечат тело, но не душу; если же все целое не в хорошем состоянии, то невозможно, чтоб часть была здорова".

Спиритизм дает ключ к пониманию связи, соединяющей душу с телом, и доказывает, что одно непрерывно реагирует на другое. Таким образом, он открывает новый путь науке, указывая ей на истинную причину некоторых

болезней, он дает ей средство их победить. Когда наука объяснит действие спиритического элемента в организме, она реже будет терпеть неудачи.

XX. "Все люди, начиная с детства, делают больше зла, чем добра".

Эти слова Сократа касаются важного вопроса о преобладании зла на земле, вопроса, неразрешимого без понимания множественности миров и назначения Земли, где живет только маленькая часть человечества. Только спиритизм дает решение, которое и содержится ниже в главах II, III и V.

XXI. "Мудрость заключается в том, чтобы не думать, что знаешь то, чего не знаешь".

Это относится к людям, критикующим то, о чем они не имеют понятия. Платон дополнил эту мысль Сократа, говоря: "Постараемся, если возможно, сперва сделать их более честными в словах; если этого нельзя сделать, не будем заботиться о них и будем искать только истины. Постараемся просвещаться, но не будем поносить друг друга". Так должны поступать спириты относительно своих добросовестных и недобросовестных противников. Если бы Платон воскрес, то нашел бы теперь положение вещей таким же, каким оно было в его время, и мог бы сказать то же самое. Сократ так же встретил бы людей, насмехающихся над его верой в Духов и считающих его сумасшедшим, как и его ученик Платон.

За исповедование этих принципов Сократа сначала осмеивали, затем обвинили в безбожии и присудили выпить цикуту. Таким образом, новые великие истины, возбуждая против себя попираемые ими интересы и предрассудки, не могут водвориться без борьбы и без жертв.

2) Из "Книги медиумов"

Глава XIX

РОЛЬ МЕДИУМА В СПИРИТИЧЕСКИХ СООБЩЕНИЯХ

Влияние духа самого медиума. Система медиумов бездейственных. Способность некоторых медиумов к тому, чего они не знают: к языкам, музыке, рисованию и проч. Рассуждение духа о роли медиумов.

223. 1) Находится ли медиум, в совершенно нормальном состоянии в ту минуту, когда употребляет в дело свою способность?

— Иногда он бывает в состоянии транса, более или менее заметного, что его утомляет, и потому ему необходим отдых. Но весьма часто это состояние не отличается заметным образом от состояния нормального, в особенности у медиумов пишущих.

2) Сообщения писанные или словесные могут ли также происходить от духа, воплощенного в самом медиуме?

— Душа медиума может сообщаться, как и всякая другая. Если она пользуется в некоторой степени свободой, к ней возвращаются ее качества духа. Вы имеете этому доказательство в том, что душа живой особы является навестить нас и сообщается с вами через писание, часто без вашего зова. Знайте, что среди духов, которых вы вызываете, многие воплощены на земле.

Тогда явившийся вам говорит, как дух, а не как человек. Почему же вы думаете, что этого не может быть с медиумом?

— Это объяснение не кажется ли подтверждением мнения тех, которые полагают, что все сообщения происходят от духа медиума, а не от постороннего духа?

— Они ошибаются только в том отношении, что говорят безусловно, потому что известно, что дух медиума может действовать сам собою. Но это не причина, чтобы другие не могли также действовать через его посредство.

3) Как отличить, отвечает ли дух медиума или дух посторонний?

— По роду сообщений. Изучите обстоятельства и язык, и вы увидите разницу. Дух медиума проявляется большей частью в состоянии сомнамбулизма или экстаза, потому что он тогда свободнее, но в нормальном состоянии это труднее. Есть, впрочем, ответы, которые невозможно отнести к медиуму. Для того-то я вам и говорю: изучайте и наблюдайте.

Когда кто-нибудь говорит нам что-либо, мы легко отличим, когда он говорит свое и когда повторяет чужое, то же можно сказать и в отношении медиумов.

4) Так как дух медиума мог в своих прежних воплощениях приобрести знания, которые он забыл в настоящей своей телесной оболочке, но которые вспомнил как дух, то не может ли он почерпнуть из собственного своего источника идеи, которые кажутся нам превышающими его образование?

— Это часто случается в состоянии сомнамбулизма или экстаза. Но еще раз повторяю, есть обстоятельства, которые не допускают никакого сомнения: изучайте долгой размышляйте.

5) Сообщения, происходящие от духа медиума, всегда ли ниже тех, которые происходят от постороннего духа?

— Вовсе нет. Посторонний дух сам может быть ниже духа медиума, и тогда он будет говорить менее здраво. Это видно в сомнамбулизме, потому что там почти всегда проявляется дух самого медиума и говорит иногда вещи очень хорошие.

6) Дух, сообщающийся посредством медиума, передает ли прямо свою мысль или через посредство духа, воплощенного в медиуме?

— Дух медиума в этом случае есть посредник, потому что он связан с телом, которое служит для того, чтобы говорить, и нужна цепь, которая соединяла бы вас с общающимися посторонними духами, как нужна электрическая нить для передачи мыслей на далекое расстояние и на конце нити — разумная особа, которая принимает и передает их.

7) Дух, воплощенный в медиуме, имеет ли влияние на сообщения, которые он передает и которые происходят от постороннего духа?

— Да, потому что, если он ему не симпатизирует, он может изменять его ответы и согласовать их с собственными своими идеями и склонностями, но он не имеет влияния на самих духов: он только дурной переводчик.

8) Это ли составляет причину предпочтения, оказываемого духами известным медиумам?

— Другой причины нет. Они ищут переводчиков, которые им симпатизируют и точнее передают их мысли. Если между ними нет симпатии, дух медиума делается противником, который оказывает некоторое препятствие, и делается переводчиком неохотным и даже неверным. То же самое бывает и среди вас, когда мнение мудреца передается голосом ветреника или человеком недобросовестным.

9) Это понятно в отношении медиумов внушаемых, но не относительно медиумов механических?

— Вы неточно понимаете роль медиума. Здесь есть закон, которого вы еще не знаете. Припомните, что для произведения движения в неподвижном теле духу необходима часть оживотворенного тока, которую он заимствует у медиума, и таким образом на время оживляет стол для того, чтобы он повиновался его воле. Поймите же теперь, что для сообщений разумных он имеет необходимость в посреднике разумном и что этот посредник есть дух медиума.

— Это, кажется, не может быть применено к говорящим столам, потому что когда неподвижные предметы, как-то: столы, дощечки и корзинки, дают разумные ответы, то дух медиума, по-видимому, не играет никакой роли?

— Это несправедливо. Дух может дать неподвижному телу временную искусственную жизнь, но не разум. Никогда неподвижное тело не было разумным. Дух медиума получает без своего ведома мысль и мало-помалу передает ее с помощью различных посредников.

10) Из этих объяснений, по-видимому, выходит, что дух медиума никогда не бывает совершенно подчиненным лицом?

— Он бывает подчиненным тогда, когда не примешивает своих мыслей к мыслям постороннего духа, но он никогда не остается вовсе бездейственным. Его содействие всегда нужно как содействие посредника, даже и для так называемого нами медиума механического.

11) Не больше ли может быть ручательства за независимость сообщений у медиума механического, чем у медиума сознательного?

— Без всякого сомнения, и для некоторых сообщений медиум механический лучше. Но когда известны способности медиума сознательного, тогда это делается все равно, смотря по обстоятельствам. Я хочу сказать этим, что есть сообщения, требующие менее точности.

12) Между многими системами, предложенными для объяснения спиритических феноменов, есть одна, состоящая в предположении, что настоящий медиумизм заключается в совершенно безжизненном теле, в корзинке или картоне, например, которые служат снарядом, что посторонний дух сливается с этим предметом и делает его не только живым, но и разумным, отсюда название медиумов безжизненных, данное этим предметам. Что вы думаете об этом?

— На это можно сказать одно только: если бы дух передал картону вместе с жизнью и разум, то картон мог бы писать один без действия медиума. Было бы странно, чтобы разумный человек обратился в машину, а неподвижный предмет сделался разумным. Это одна из множества систем, рожденных предубеждением, которые не выдерживают критики, как и многие другие, перед опытностью и наблюдением.

13) Феномен весьма известный может подтвердить мнение, что в оживотворенных безжизненных телах есть не только жизнь, но и разум. Это феномен говорящих столов, корзинок и проч., которые выражают своими движениями гнев или расположение?

— Когда человек машет с гневом палкою, тогда сердится не палка, и даже не рука, которая ее держит, но мысль, управляющая рукою. Столы и корзинки несколько не разумнее палки. В них нет никакого разумного чувства, но они повинуются разуму. Одним словом, дух не превращается в коробку и даже не избирает ее своим местом жительства.

14) Если неблагоприятно приписывать этим предметам разум, то не должно ли их рассматривать как особый вид медиумов, обозначая именем медиумов безжизненных?

— Это вопрос в словах, который для нас не заключает в себе никакой важности, лишь бы вы понимали друг друга. Вы можете называть человеком и марионетку.

15) Духи не имеют другого языка, кроме мысли. Они не имеют голосового языка, составленного из звуков. Поэтому у них один только язык. После этого дух может ли выражаться медиумическим путем на языке, на котором он никогда не говорил при жизни. Где в таком случае он берет употребляемые им слова?

— Вы сами ответили на ваш вопрос, сказав, что у духов один только язык — язык мысли. Этот язык понятен для всех как для людей, так и для духов. Блуждающий дух, обращаясь к воплощенному духу в медиуме, не говорит ему ни по-французски, ни по-английски, но на языке всеобщем, который есть язык мысли.

Чтобы перевести свою мысль на язык слов, на язык передаточный, он берет выражения из словаря медиума.

16) Если это так, то он должен был бы изъясняться не иначе, как на языке медиума, между тем как иногда он заставляет его писать на языке, вовсе не знакомом для медиума. Нет ли здесь противоречия?

— Заметьте, во-первых, что не все медиумы к этому способны и, во-вторых, что духи прибегают к этому только случайно, когда находят, что это может быть полезное. Для сообщений обычных и несколько пространных они предпочитают употреблять язык, знакомый медиуму, потому что он представляет для них менее материальных затруднений.

17) Способность некоторых медиумов писать на незнакомом им языке не происходит ли оттого, что этот язык им был известен в другом их воплощении и они сохранили о нем смутное воспоминание?

— Разумеется, это может случиться, но это не есть общее правило. Дух может с некоторыми усилиями превозмочь на время встречаемое им материальное сопротивление. То же самое бывает, когда медиум пишет на своем собственном языке слова, которых он не знает.

18) Особа, не умеющая писать, может ли писать, как медиум?

— Да, но понятно, что в этом случае нужно превозмочь большие механические затруднения с рукой, не привыкшей к движению, необходимому для образования букв. То же самое бывает с медиумами-живописцами, не умеющими рисовать.

19) Может ли неумный медиум передавать сообщения возвышенные?

— Да, по той же причине, по которой медиум может писать на незнакомом ему языке. Собственно медиумическая способность не зависит от ума, так же как и от нравственных качеств, и за неимением лучшего орудия дух может употреблять то, которое находится под рукой. Но очень естественно, что для сообщений более важных, он предпочитает медиума, представляющего ему менее материальных затруднений. И потом другое обстоятельство: идиот часто бывает идиотом по одному только несовершенству органов, но дух его может быть более развит, чем вы предполагаете. Вам это доказывают некоторые вызывания идиотов, мертвых или живых.

Этот факт подтверждается опытами. Мы часто вызывали идиотов живых, которые представляли ясные доказательства своего тождества и отвечали очень умно и даже возвышенно. Это состояние есть наказание для духа, страдающего от стеснения, в котором он находится. Следовательно, медиум-идиот может иногда представить духу, желающему сообщаться, более средств, чем предполагают (смотри в "Revue Spirite", июль 1860 г., статью о френологии и физиогномике).

20) Откуда происходит способность некоторых медиумов писать в стихах, несмотря на их невежество относительно стихосложения?

— Стихосложение это тоже речь. Медиумы могут писать в стихах, как могут писать на языке, не известном им. Кроме того, они могли быть поэтами в другом существовании, потому что, как вам было говорено, приобретенные незнания никогда не теряются для духа, который должен достигнуть совершенства во всех отношениях. В таком случае то, что они знали, дает им, хотя они и не подозревают этого, склонность, которой они не имеют в обыкновенном состоянии.

21) Можно ли сказать то же самое о специальной способности медиумов к рисованию или к музыке?

— Да, рисование и музыка также есть способы выражения мысли. Духи употребляют орудия, которые представляют им больше удобства.

22) Выражение мысли посредством поэзии, рисования или музыки зависит единственно от специальной способности медиума или также от способностей сообщающегося духа?

— Иногда от медиума, иногда от духа. Высшие духи имеют все способности. Познания же низших духов очень ограничены.

23) Почему человек, имевший высокий талант в предшествовавшем существовании, не имеет его в существовании последующем?

— Это бывает не всегда. Часто он совершенствуется в следующем существовании то, что начал в предыдущем. Но может случиться также, что высокая способность дремлет в продолжение известного времени для того, чтобы другая могла свободнее развиваться. Это безжизненный зародыш, который проявится позже и от которого всегда остаются какие-нибудь следы или, по крайней мере, смутное сознание.

224. Посторонний дух, без сомнения, понимает все языки, потому что язык есть выражение мысли, а дух понимает посредством мысли. Но чтобы передать эту мысль, нужно орудие: это орудие есть медиум. Душа медиума, получающая постороннее сообщение, не иначе может передать его, как только через органы своего тела. Органы эти не могут быть так послушны для языка им не известного, как для того, к которому они уже привыкли. Медиум, знающий один только французский язык, может случайно дать ответ на языке английском, например, если дух этого пожелает.

Но духи, которые находят и без того уже, что человеческий язык слишком вял в сравнении с быстротою мысли, вследствие чего они сокращают его, как только могут, теряют терпение, испытывая механическое затруднение. Вот почему они не всегда делают это.

По этой же причине медиум начинающий, который медленно и с трудом пишет даже на своем собственном языке, получает вообще ответы короткие и без всякого развития. Вследствие этого духи советуют задавать через посредство таких медиумов одни только простые вопросы. Для вопросов же высоких нужен медиум

совершенно сформированный, который не представляет для духа никакого механического затруднения.

Мы не возьмем в чтецы ученика, читающего только по складам. Хороший работник не любит дурных инструментов. Прибавим другое замечание, весьма важное в отношении иностранных языков. Подобные ответы всегда делаются с целью любопытства и испытания. Но для духов нет ничего неприятнее испытаний, которым их хотят подвергнуть. Возвышенные духи никогда этому не подчиняются и удаляются тотчас же, как только заметят, что вызывающие их хотят приступить к этому. Сколько их интересуют вещи полезные и серьезные, столько же неприятно им заниматься вещами пустыми и не ведущими ни к какой цели.

Это делается, скажут неверующие, для того, чтобы нас убедить, а это цель полезная, потому что таким образом можно увеличить число последователей спиритизма. На это духи отвечают:

— Спиритизм не нуждается в тех, которые имеют столько гордости, чтобы считать себя необходимыми. Мы призываем к себе тех, кого желаем, и это часто бывают люди самые незначительные и самые смиренные. Иисус делал ли чудеса, о которых просили его книжники, и каких людей употребил он, чтобы произвести переворот в мире? Если вы желаете убедиться, то имеете для этого другие средства, кроме фокусов. Начните сперва с вашей покорности. Не в порядке вещей, чтобы ученик указывал учителю образ его действий.

Из этого следует, что за немногими исключениями, медиум передает мысль духа посредством находящихся в его распоряжении механических средств. Выражение этой мысли может и даже должно, большей частью, носить на себе отпечаток несовершенства этих средств. Таким образом, человек необразованный, крестьянин, может говорить прекрасные вещи, выражать мысли самые возвышенные, самые философские, но языком крестьянина, потому что для духов мысль преобладает над всем.

Это может быть ответом на возражения некоторых критиков относительно неправильностей слога и орфографических ошибок, в которых можно упрекнуть духов. Привязываться к подобным вещам, значит обнаруживать мелочность. Не менее смешно поступают и те, которые стараются воспроизводить эти неправильности со всевозможной точностью, как мы иногда видели это. Итак, их можно исправлять без всякого опасения, если они только не составляют характеристической черты сообщающегося духа. В таком случае их полезно сохранять как доказательство тождества духа. Так, например, мы видели, что один дух постоянно писал "Jule", Юлий, (без "S"), говоря о своем внуке, потому что во время своей жизни он всегда писал это имя таким образом, хотя внук его, бывший в этом случае медиумом, очень хорошо знал, как нужно писать свое имя.

225. Следующее рассуждение, данное самопроизвольно одним высшим духом, который проявлялся уже самыми возвышенными сообщениями, заключает самое ясное и полное разрешение вопроса о роли медиумов,

— Каковы бы ни были свойства пишущих медиумов, будут ли это медиумы механические, полумеханические или просто сознательные, наш способ действий с ними, в сущности, не изменяется. В самом деле, мы сообщаемся с воплощенными духами точно так же, как и с блуждающими, только посредством передачи мыслей.

Наши мысли не нуждаются в одежде слова, чтобы их понимали духи. Все духи видят мысль, которую мы желаем сообщить им, потому что мы направляем ее к ним, в зависимости от степени развития своих умственных способностей. Такая мысль может быть понята духом, сообразно с его развитием, между тем, как для другого духа мысль эта, не пробуждая в его сердце или в его уме никакого воспоминания, никакого сведения, остается для него незамеченной. В этом случае воплощенный дух, который служит нам медиумом, более годен для передачи нашей мысли другим людям, хотя и не понимает ее, чем дух невоплощенный и малоразвитый, если бы мы принуждены были прибегнуть к его посредничеству, потому что земное существо предоставляет свое тело, как орудие, в наше распоряжение, чего блуждающий дух не может сделать.

Таким образом, когда мы находим в медиуме ум, обогащенный познаниями, приобретенными в настоящей жизни, и дух, богатый бездейственными прежними, познаниями, способными облегчить наши сообщения, мы пользуемся преимущественно им, потому что с ним феномен сообщения делается для нас гораздо легче, чем с медиумом, которого умственные способности были бы ограничены и предшествовавшие познания которого оказались бы недостаточны. Мы постараемся с помощью ясных и точных объяснений, чтобы нас поняли.

С медиумом, умственная сторона которого развита в настоящем и предшествовавшем существовании, наша мысль сообщается тотчас, от духа к духу, вследствие способности, свойственной природе самого духа. В этом случае мы находим в мозгу медиума элементы, нужные для того, чтобы дать нашей мысли одежду слова, соответствующую этой мысли и это может быть медиум сознательный, полумеханический или чисто механический.

Вот почему, каково бы ни было разнообразие духов, сообщающихся с медиумом, сообщения получаемые им, исходя от различных духов, имеют отпечаток формы и оттенков, свойственных медиуму. Да, хотя мысль совершенно чужда ему, хотя предмет выходит из круга его обыкновенных понятий, хотя то, что мы желаем сказать, не происходит вовсе от него, но он не менее того имеет влияние на форму своими личными качествами и свойствами.

Это то же самое, когда вы рассматриваете различные виды в цветные очки, зеленые, белые или синие. Хотя эти виды или рассматриваемые предметы совершенно различны и не имеют ничего общего между собой, но вы всегда увидите в них оттенок, зависящий от цвета очков.

Или лучше сравним медиумов со стеклянными шарами, наполненными прозрачными окрашенными жидкостями, которые выставляют в аптечных лабораториях. Мы подобно свету освещаем некоторые моральные и философские взгляды на вещи. Когда светящиеся лучи принуждены проходить сквозь стекло,

более или менее полированное, более или менее прозрачное,—в данном случае через медиумов, более или менее развитых, — они достигают предмета, который мы желаем осветить, не иначе, как заимствовав цвет, или, лучше сказать, форму, свойственную этим медиумам. Наконец, чтобы закончить последним сравнением, положим, что мы, духи, подобно композитору, который желает сочинить или симпровизировать мотив, имеет под рукой фортепьяно, скрипку, флейту, фагот или свисток в две копейки. Очевидно, что с фортепьяно, флейтой или скрипкой мы исполним наш мотив так, что он будет понятен для слушателей, и хотя звуки фортепьяно, фагота или кларнета будут совершенно различны между собой, сочинение наше останется одним и тем же, исключая оттенки звука. Но если в нашем распоряжении будет только свисток или воронка, тогда для нас возникает затруднение.

В самом деле, когда мы принуждены бываем употреблять медиумов развитых мало, наш труд делается гораздо медленнее, гораздо тягостнее, потому что мы принуждены бываем прибегать к формам неполным, что для нас весьма затруднительно. В таком случае мы должны расчленять свою мысль и передавать слово за словом и букву за буквой, что чрезвычайно скучно и тягостно для нас и представляет действительное препятствие скорости и развитию наших проявлений.

Вот почему мы бываем счастливы, когда находим медиумов способных, снабженных материалами, готовыми для действия, одним словом, — хорошие орудия, потому что в таком случае нашему периспри, действующему на периспри того, кого мы медиумизируем, остается только давать движение руке, служащей нам ручкою пера или карандаша, между тем как с медиумами недостаточными мы должны делать почти то же, что делаем, когда сообщаемся посредством ударов, т.е. обозначать буквально слово в слово каждую фразу, составляющую перевод мыслей, которые мы желаем сообщить.

Вследствие этого мы обратились преимущественно к классам просвещенным и образованным для распространения спиритизма и развития способностей пишущих медиумов, несмотря на то, что в этих-то классах именно встречаются люди самые неверующие, самые упорные, самые безнравственные. И как мы представляем теперь духам-фокусникам и малоразвитым сообщения физические, удары и принесение предметов, точно так же и между вами, люди пустые предпочитают феномены, поражающие зрение или слух, феноменам духовным, чисто психологическим.

Когда мы желаем продиктовать что-нибудь самопроизвольное, мы действуем на ум, на мозг медиума, и берем нужные для нас элементы из тех, которые он доставляет, и это делается без его ведома. Мы как будто отправляемся в кошелек его, берем находящуюся там сумму и располагаем различные монеты ее в том порядке, какой нам кажется полезным.

Но если медиум сам желает спрашивать нас о чем-нибудь, то он должен рассудить об этом серьезно, чтобы предлагать нам вопросы методически и этим облегчить нам труд отвечать ему. Потому что, как вам сказано было в предыдущем наставлении, мозг ваш часто бывает в страшном беспорядке, и тогда нам трудно

действовать в этом лабиринте ваших мыслей. Когда вопросы должны быть предложены третьим лицом, то хорошо и полезно, чтобы все они были предварительно сообщены медиуму, который мог бы через это, так сказать, слиться с вызывателем. Тогда и нам легче отвечать вследствие сродства, существующего между нашим периспри и периспри медиума, который служит нам переводчиком,

Мы можем, разумеется, говорить о математике через медиума, который, по-видимому, не знаком вовсе с этой наукой, но часто дух его обладает этими познаниями в бездейственном состоянии, т. е. познаниями, принадлежащими собственно его духу, а не воплощенному существу, потому что настоящее тело негодно для проявления этих познаний. То же самое может быть относительно астрономии, поэзии, медицины, различных языков и всех других познаний, свойственных роду человеческому. Наконец, мы имеем еще один способ действия, весьма тягостный, употребляемый нами с медиумами, совершенно чуждыми предмету, о котором говорится, и состоящий в набирании букв и слов, как в типографии.

Как мы сказали, духи не имеют надобности облекать мысль свою в слова. Они понимают и сообщают мысль непосредственно. Существа же телесные, напротив, не могут понимать мысль иначе, как облеченную в наружную форму. В то время как буквы, слово, существительное, глагол, фраза необходимы для вас для понимания мысли, для нас не нужно никакой формы, видимой или внешней.

Эраст и Тимофей.

Этот разбор роли медиумов и способов действий, с помощью которых духи сообщаются, так же ясен, как и логичен. Из него вытекает то правило, что дух черпает в мозгу медиума не идеи свои, а материалы для их выражения и что чем богаче мозг этот. материалами, тем легче делается сообщение. Когда дух выражается на языке, известном медиуму, то он находит в нем слова, готовые для того, чтобы облечь в них свою идею. Если же он хочет говорить на языке, не знакомом медиуму, то он не находит уже в нем слов, а одни только буквы. Поэтому дух принужден бывает диктовать, так сказать, букву за буквой, подобно тому, как если бы мы заставляли писать по-немецки того, кто не знает ни одного слова из этого языка.

Если медиум не умеет ни читать, ни писать, то у него даже нет и букв. Тогда нужно бывает водить его руку, как водят руку ученика, и в этом случае представляется необходимость преодолевать еще большее материальное затруднение. Итак, феномен этот возможен, и многочисленные примеры его существуют. Но понятно, что этот способ действия мало совместим с пространностью и быстротою сообщений и что духи должны предпочитать орудия самые легкие или, как они говорят, медиумов, хорошо снабженных, с их точки зрения. Если бы те, которые требуют этих феноменов как средства для убеждения, изучили предварительно теорию, то знали бы, при каких исключительных условиях они производятся.

Глава XX

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕДИУМА

Различные вопросы. Рассуждение духа о нравственном влиянии

226. 1) Развитие медиумизма соразмерно ли с нравственным развитием медиума?

— Нет, собственно способность зависит от организма, а не от нравственной стороны медиума. Она независима также и от употребления способности, которое может быть хорошо и дурно, смотря по качествам медиума.

2) Всегда говорили, что медиумизм есть дар Божий, милость, благоволение. Почему же он не дается преимущественно людям добрым, и почему мы видим людей недостойных, которые одарены им в высшей степени и которые употребляют его во зло?

— Все способности — дары Божий, за которые должно благодарить Его, потому что есть люди, лишенные их. Вы могли бы также спросить, почему Бог дает хорошее зрение злодеям, ловкость мошенникам, красноречие тем, которые употребляют его во зло. То же самое и в отношении медиумизма. Недостойные одарены им, потому что они в нем более нуждаются, чем другие, для улучшения себя. Не думаете ли вы, что Бог отказывает виновным в средствах к спасению? Он дает их во множестве; Он их кладет им в руки; им стоит только воспользоваться.

Иуда-предатель не делал ли чудес и не исцелял ли больных, как апостол? Бог допустил его иметь этот дар, чтобы сделать измену его более гнусной.

3) Медиумы, употребляющие во зло свою способность и не пользующиеся ею для добрых дел и для своего назидания, испытают ли происходящие от этого последствия?

— Если они дурно пользуются ею, они будут наказаны вдвойне, потому что имеют одним средством больше к просвещению себя и пренебрегают им. Тот, кто видит и спотыкается, более виновен, чем слепой, который падает в ров.

4) Есть медиумы, которым даются самопроизвольно и почти постоянно сообщения об одном и том же предмете, в отношении, например, некоторых нравственных вопросов или некоторых недостатков. Имеет ли это какую-нибудь цель?

— Да, и эта цель заключается в том, чтобы их просветить относительно часто повторяемого предмета или исправить известные их недостатки. Поэтому одним будут беспрестанно говорить о гордости, другим о милосердии. Одно только повторение может, наконец, открыть им глаза.

Нет медиума, употребляющего во зло свою способность вследствие ли тщеславия, или личных интересов, или унижающего его гордостью, эгоизмом, легкомыслием и проч., который не получал бы от времени до времени какого-нибудь предостережения со стороны духа. Зло заключается в том, что большей частью они не принимают этого на свой счет.

Духи иногда бывают очень осторожны в своих наставлениях. Они дают их косвенно, чтобы предоставить более заслуг тем, которые сумеют приложить их к себе и воспользоваться ими. Но ослепление и гордость так сильны у некоторых, что они не узнают себя в представленной ими картине, а если дух дает им понять, что это говорится собственно о них, то они сердятся и считают духа обманщиком или злым насмешником. Это одно уже показывает, что дух прав.

5) В наставлениях, которые диктуются медиуму в выражениях общих, не относящихся ни к какой личности, не бывает ли медиум пассивным орудием для просвещения других?

— Часто эти советы диктуются не для него собственно, а для других, к которым мы не можем относиться иначе, как только посредством медиума, но из этого и он должен получить свою долю, если он не ослеплен самолюбием. Не думайте, чтобы медиумическая способность была дана для того только, чтобы исправить одну или две osoby. Нет, цель обширнее этого, речь идет о человечестве.

Медиум — орудие слишком мало важное как отдельная личность. Поэтому, когда мы даем наставления, которые должны принести пользу большинству, то мы используем тех, с которыми легче общаться. Но будьте уверены, что настанет время, когда хорошие медиумы будут столь обыкновенны, что добрые духи не встретят надобности употреблять дурные орудия.

6) Так как нравственные достоинства медиума удаляют от него духов несовершенных, то каким образом случается, что медиум, одаренный хорошими качествами, передает ответы ложные или грубые?

— Знаешь ли ты все изгибы его души? Впрочем, не будучи порочным, можно быть пустым и ветреным. Притом же медиум иногда может нуждаться в уроке, чтобы быть осторожнее.

7) Почему высшие духи позволяют особам, одаренным большой силой как медиумы и которые могли бы делать много добра, быть орудиями заблуждения?

— Они стараются действовать на них своим влиянием. Но когда те позволяют себе уклоняться от хорошего пути, они их оставляют. Вследствие этого они употребляют их неохотно, потому что истина не может быть передаваема ложью.

8) Неужели вовсе нельзя получить дельные сообщения через медиума несовершенного?

— Несовершенный медиум может иногда говорить дельные вещи, потому что, если он одарен хорошей способностью, то добрые духи могут использовать его за

неимением другого при каких-нибудь особенных обстоятельствах, но только не иначе, как временно, ибо как только встречают другого, более годного для них, то отдают ему предпочтение.

Нужно заметить, что когда добрые духи видят, что медиум, вследствие несовершенств своих, делается добычей духов-обманщиков, то они почти всегда располагают обстоятельства так, чтобы заблуждения его были заметны, и удаляют его от людей серьезных и добросовестных, доверие которых могло бы быть обмануто. В этом случае, каковы бы ни были способности его, об удалении его жалеть нечего.

9) Какого медиума можно было бы назвать совершенным?

— Совершенным? Увы, вы очень хорошо знаете, что совершенства нет на земле, иначе вы бы на ней не были. Скажите — хорошим медиумом, и это уже много, потому что и такие медиумы очень редки. Совершенным медиумом был бы тот, которого злые духи никогда не осмелились бы попытаться обмануть. Лучший же тот, который, симпатизируя только добрым духам, наименее подвергался обману.

10) Если он симпатизирует только добрым духам, то как они позволяют ему быть обманутым?

— Добрые духи позволяют иногда обманывать лучших медиумов, с целью доставить упражнение их суждению и научить их отличать истину от лжи. Кроме того, как бы ни был хорош медиум, он не может быть так совершенен, чтобы не нашлось в нем слабой стороны, которая дала бы повод к обману. Это должно служить ему уроком.

Ложные сообщения, которые он получает от времени до времени, есть предостережения, допускаемые для того, чтобы он не считал себя непогрешимым, и не возгордился бы. Потому-то медиум, получающий самые замечательные вещи, не больше может гордиться ими, чем шарманщик, который играет прекрасные пьесы, вертя ручку своего инструмента.

11) Какие условия необходимы для того, чтобы слова высших духов доходили до нас неискаженными?

— Желать добра, изгонять эгоизм и гордость. И то, и другое необходимо.

12) Если слова высших духов доходят до нас чистыми только при таких затруднительных обстоятельствах, то не есть ли это важное препятствие относительно распространения истины?

— Нет, потому что свет всегда является тому, кто желает его получить. Кто хочет просветиться, тот должен избегать мрака, а мрак — в нечистоте сердца.

— Духи, которых вы считаете олицетворением добра, неохотно подчиняются зову тех, чьи сердца осквернены гордостью, алчностью и недостатком милосердия.

— Пусть те, которые желают просветиться, откинут всякое человеческое тщеславие и смиряют свой разум перед беспредельным могуществом Творца. Это будет служить лучшим доказательством их чистосердечия. И это условие каждый может исполнить.

227. Если медиум относительно исполнения есть не что иное, как орудие, то в нравственном отношении он имеет большое влияние. Так как для сообщений посторонний дух сливается с духом медиума, то это слияние может быть только сообразно с их взаимной симпатией, или, если можно выразиться так, сообразно с их сродством.

Душа производит на посторонний дух некоторого рода притяжение или отталкивание, смотря по степени их сходства или несходства. Добрые имеют сродство с добрыми, а злые со злыми. Из этого следует, что нравственные качества медиума имеют весьма важное влияние на природу духов, которые сообщаются через его посредство. Если он порочен, низшие духи собираются около него и всегда готовы занять место добрых духов, которых призывают. Качества, привлекающие добрых духов, это доброта, благосклонность, простота сердца, любовь к ближнему и отрешение от вещей материальных. Недостатки, отталкивающие их: гордость, эгоизм, зависть, ненависть, алчность, чувственность и все страсти, которыми человек привязывается к материи.

228. Все нравственные несовершенства — это открытые двери для злых духов, но среди них есть одно, которым злые духи пользуются с наибольшим искусством. Это гордость, потому что ее менее всего сознают в себе. Гордость погубила множество медиумов, одаренных превосходными способностями, которые без этого могли бы быть личностями замечательными и весьма полезными. Между тем, когда они сделались добычей духов-обманщиков, их способности сначала были искажены, потом совершенно уничтожились, и многие из них испытали самые горькие неудачи в жизни.

Гордость обнаруживается у медиумов весьма явными признаками, на которые необходимо обратить внимание в особенности потому, что это один из тех недостатков, которые больше всего должны посеять недоверие к их сообщениям. Во-первых, слепая уверенность в возвышенности самих сообщений и в непогрешимости духа, который дает их. Отсюда вытекает некоторого рода презрение ко всему тому, что получается не через них, потому что они считают себя привилегированными относительно истины. Великие имена, которыми украшаются духи, выдающие себя за их покровителей, прельщают их. Так как их самолюбие страдало бы, если бы они признали себя обманутыми, то они отвергают всякого рода советы. Они даже избегают их, удаляясь от своих друзей и от всех, кто мог бы открыть им глаза. Если они из снисхождения слушают их, то считают ни во что их мнение, потому что сомневаться в превосходстве их духов есть почти святотатство.

Они оскорбляются малейшим противоречием, простым критическим замечанием и доходят иногда до ненависти к тем, которые оказали им услугу. Благодаря этому удалению, произведенному духами, не желающими встречать противоречие, злые

духи легко удерживают их в заблуждении и заставляют их принимать самые грубые нелепости за вещи самые возвышенные.

Итак, совершенная уверенность в превосходстве того, что они получают, презрение к тому, что получается не через них, важность, неблагоприятно придаваемая великим именам, отвержение советов, принятие в дурную сторону всякой критики, удаление от тех, которые могли бы высказать беспристрастное мнение, уверенность в своем искусстве, несмотря на недостаток опытности, — таковы признаки медиумов гордых.

Надо сознаться также, что гордость часто возбуждается в медиуме его окружением. Если он имеет хоть сколько-нибудь заметные способности, с ним заискивают и превозносят его похвалами. Он считает себя необходимым и скоро принимает на себя вид самодовольства и некоторого презрения, когда предлагает другим свое содействие. Мы несколько раз раскаивались в похвалах, которые высказывали некоторым медиумам с целью поощрить их.

229. Рядом с этим поставим и обрисуем действительно хорошего медиума, к которому можно иметь доверие. Мы предполагаем сперва способность довольно сильную, которая позволяла бы духам сообщаться свободно, не встречая никаких материальных затруднений. После этого больше всего следует обратить внимание на свойства духов, которые обыкновенно сообщаются с ним, а для этого нужно смотреть не на имя, а на язык.

Медиум никогда не должен терять из виду то, что симпатия, которую он приобретает у добрых духов, зависит от того, что он будет делать для удаления от себя злых. Будучи убежден, что его способность есть дар, данный ему для добра, он нимало не старается превозноситься ею, не вменяет ее в заслугу себе. Он принимает хорошие сообщения, как милость, которой он должен сделаться еще достоин своею добротою, снисходительностью и скромностью. Первый гордится своими сношениями с высшими духами; последний смиряется, потому что всегда считает себя ниже этой милости.

230. Следующее рассуждение об этом предмете было продиктовано нам духом, несколько сообщений которого мы привели:

— Мы сказали уже, что медиумы в медиумическом отношении имеют только второстепенное влияние в сообщениях духов. Их роль есть роль электрической машины, передающей телеграфные депеши с одной отдаленной точки земли на другую.

Итак, когда мы хотим продиктовать сообщение, мы действуем на медиума, как телеграфист действует на свой снаряд, т. е. как удары телеграфа рисуют за тысячу миль на полоске бумаги знаки, составляющие депешу, так и мы сообщаем вам посредством медиумического снаряда, через неизмеримые пространства, отделяющие видимый мир от невидимого, телесный от бесплотного, то, что желаем сообщить вам. Но точно так же, как влияние атмосферы действует и мешает часто передаче депеш электрического телеграфа, так и нравственное влияние медиума действует и мешает иногда передаче наших замогильных депеш,

потому что мы принуждены бываем проводить их через среду, неблагоприятную для этого. Между тем слияние это большей частью уничтожается нашей энергией и нашей волей, и противодействие не обнаруживается.

Действительно, рассуждения высокофилософские, сообщения превосходной нравственности, часто передаются медиумами, малоспособными к столь возвышенным наставлениям, между тем как, с другой стороны, сообщения малоназидательные получаются иногда через медиумов, которые стыдятся, что служили проводниками их.

— Вообще, можно утверждать, что духи известного характера привлекают к себе духов сходных с ними и что редко духи высоких разрядов сообщаются через дурные проводники, когда имеют под рукой хорошие медиумические снаряды, т. е. хороших медиумов.

Следовательно, медиумы легкомысленные и несерьезные привлекают к себе таких же духов. Вот почему сообщения их наполнены вещами пустыми, пошлыми, идеями без последовательности и часто неверными относительно спиритического учения.

Разумеется, они могут говорить и говорят иногда хорошие вещи. Но в этом-то случае и нужно разбирать их строго и внимательно, потому что между этими хорошими вещами некоторые лицемерные духи вставляют с большим искусством и с рассчитанным вероломством вымышленные факты, ложные уверения, чтобы обмануть доверие своих слушателей. Тогда нужно вычеркнуть, без всякого сожаления, каждое слово, каждую двусмысленную фразу и оставить только то, что допускает логика или что уже известно из спиритического учения. Сообщения подобного рода опасны только для одиноких спиритов и для кружков, только что возникших или малопросвещенных, потому что в собраниях, где члены более сведущи в спиритизме и приобрели уже опытность, ворона напрасно будет украшать себя павлиньими перьями. Обман будет безжалостно обнаружен.

Я не стану говорить о медиумах, которые находят удовольствие вызывать и слушать грубые сообщения. Пусть они наслаждаются в обществе циничных духов. Впрочем, сообщения подобного рода требуют сами по себе уединения и одиночества. Во всяком случае, они могут только возбудить негодование и отвращение в философских и серьезных кружках.

Нравственное влияние медиума делается очевидным, в особенности тогда, когда он заменяет своими собственными идеями идеи, которые духи стараются внушить ему; а также, когда он черпает в своем воображении фантастические теории, которые сам считает, весьма чистосердечно, следствием внушенных ему сообщений. Тогда часто можно держать какое угодно пари, что сообщение это есть отражение мысли духа самого медиума. При этом случается весьма любопытный факт: рука медиума движется почти механически, побуждаемая к этому посторонним духом-насмешником.

Об этот-то камень преткновения и разбивается пламенное воображение, потому что, увлекаясь пылкостью своих идей, мишурою своих литературных познаний, не

замечают достоинства в скромном сообщении какого-нибудь мудрого духа и, оставляя действительность для тени, заменяют ее напыщенными фразами. Об этот же опасный камень разбиваются труды тщеславных медиумов, которые, за неимением сообщений (в них добрые духи отказывают им), выдают свои собственные произведения за произведения духов. Вот почему главные лица спиритических кружков должны обладать большим тактом и редкой проницательностью, чтобы отличать истинные сообщения от подложных и чтобы не оскорблять при этом людей, которые сами себя обманывают.

"В сомнении не высказывайся", — говорит одна из ваших старинных пословиц. Признавайте же только то, что очевидно для вас. Как скоро появляется новое мнение, которое кажется вам сомнительным, подвергайте его критике вашего ума и логики; то, что отвергает ваш разум, отбрасывайте смело. Лучше отвергнуть десять истин, чем принять одну ложь, одну фальшивую теорию.

Действительно, на ложной теории вы могли бы построить целую систему, которая разрушилась бы при первом дуновении истины, как здание, построенное на песке. Между тем если вы отвергнете теперь несколько истин, потому что они не ясно доказаны вам, то скоро простой факт или неопровержимое доказательство явится и подтвердит вам эту истину.

Однако же помните, спириты, что для Бога невозможны несправедливость и неправда. Спиритизм довольно распространен теперь между людьми и достаточно улучшил нравственность искренних последователей своего учения, чтобы добрые духи не были принуждены употреблять дурные орудия, медиумов несовершенных.

Итак, если теперь медиум, каков бы он ни был своим поведением или своими нравами, своею гордостью, своим недостатком любви и милосердия, представляет законную причину недоверия, не принимайте его сообщений, потому что в траве скрывается змея. Вот мое заключение о нравственном влиянии медиумов.

Эраст.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

